

ТВОРЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИАЛОГЕ Н.В. ГОГОЛЯ И В.А. ЖУКОВСКОГО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1840-Х ГОДОВ

(La reflexión creativa en el diálogo epistolar de N. V. Gogol
y de V. A. Zhukovskij de la segunda mitad de los años 1840)

Ольга А. Бознак

Кomi государственный педагогический институт, Сыктывкар (Россия)

Olga A. Boznak

Instituto Pedagógico Estatal de Komi, Syktyvkar (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 7 (2011), 175-186

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется эпистолярный диалог Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, развернувшийся в связи с публикацией Гоголем "Выбранных мест из переписки с друзьями". Особое внимание уделяется методологическим и жанровым аспектам творческой рефлексии, отмечаются и интерпретируются ее ведущие мотивы.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, эстетическая концепция, авторефлексия

ABSTRACT

The paper analyzes NV Gogol's and VA Zhukovsky's epistolary dialogue, unfolded in connection with the publication of Gogol's "Selected passages from correspondence with friends." Particular attention is paid to methodological and gender aspects of creative reflection, its leading motives are noted and interpreted.

Keywords: epistolary heritage, aesthetic concept autoreflection.

Проблема творческих взаимоотношений Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, уже неоднократно привлекавшая внимание исследователей, не потеряла своей актуальности и на сегодняшний день. По справедливому замечанию А.С. Янушкевича, это "не частный историко-литературный факт", а "сложная историко-литературная и эстетическая проблема" (2006: 297-298), связанная с ведущими тенденциями развития русской литературы, философско-эстетической мысли, духовной жизни русского общества 1830-1840-х гг. Современными учеными исследовался вопрос о влиянии личности и творчества Жуковского на Гоголя (Сахаров 1988); творческие сближения писателей рассматривались в контексте осмысления нравственно-эстетических исканий русского романтизма (Канунова 2001), а также в связи с изучением процесса становления и развития эпического сознания (Янушкевич 2006) и психологизма (Канунова 2001) в русской литературе.

Вовлекая в сферу исследований практически весь комплекс художественных, публицистических, литературно-критических произведений обоих авторов, ученые, конечно же, обращаются и к их эпистолярному наследию, однако, зачастую, не как к объекту специального исследования, а в контексте изучения названных выше проблем.

Вместе с тем эпистолярное наследие является весьма существенной и органичной частью творчества как Жуковского, так и Гоголя. Учеными давно отмечена тесная взаимосвязь между ранней лирикой Жуковского и его дневниками и письмами. Известно, что ранние дневники Жуковского стали своеобразной лабораторией его психологической лирики (Янушкевич 2006: 45). Но кроме того, это и "памятники ранних попыток русской мысли анализировать внутреннего человека" (Гинзбург 1977: 41–42). Проблема "внутреннего человека" и самоусовершенствования как важнейшего фактора становления личности – центральная не только в раннем творчестве поэта; она является стержнем нравственно-философских исканий Жуковского на протяжении всего творческого пути.

Роль писем очень велика и в творческой системе Гоголя. Органичность эпистолярного жанра для Гоголя отмечал еще С.Т. Аксаков, писавший, что "Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений" (Воропаев, Виноградов 1994: Т. 6, 404). Характерной чертой его творчества, особенно зрелого и позднего, является склонность к авторефлексии, настоятельная потребность в создании автокомментариев и текста собственной судьбы. По замечанию К.А. Крылова, стремясь к созданию нового, "идеального" искусства, Гоголь испытывает потребность проанализировать законы и механизмы собственного творчества, в результате чего в сознании писателя возникает своеобразный "авторефлексивный проект" (2007: 110), который осуществляется в значительной степени именно посредством писем, как частных, так и рассчитанных на публичное восприятие.

Органичностью и особой значимостью жанра писем для Гоголя и Жуковского, по-видимому, объясняются и факты перехода в их творчестве писем из сферы литературного быта в область общественно-литературной жизни. В творческой биографии Гоголя это создание и публикация "Выбранных мест из переписки с друзьями" – книги, в состав которой наряду со специально созданными для нее главами вошли реальные письма Гоголя к разным лицам, в том числе Жуковскому. У Жуковского – ряд статей, выросших из частных писем (так, например, статья "О меланхолии в жизни и в поэзии" является сокращенным вариантом полемиического письма Жуковского к П.А. Вяземскому (1846)), в числе которых и адресованные Гоголю по поводу его книги. В процессе знакомства с "Выбранными местами..." у Жуковского появляется замысел создания ответной книги писем: "по мере чтения буду писать к автору все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей, <...> эта переписка может также составить книгу" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 201). Этот замысел был частично осуществлен Жуковским. В форме писем к Гоголю им были написаны статьи "О смерти", "О молитве", "О поэте и современном его значении".

У "Выбранных мест..." и цикла открытых писем Жуковского множество точек схождения. Это объясняется не только причинно-следственной связью данных произведений, но тем, что ко второй половине 1840-х гг. возрастает творческая близость авторов (Канунова 2001: 22), хотя личное знакомство и творческое, в том числе и эпистолярное, общение начинается между Гоголем и Жуковским еще в 1831 году, практически совпадая с началом писательского пути Гоголя. Характер этих взаимоотношений с годами естественно менялся: из "ученика поэта и младшего собрата по литературе" (Сахаров 1988: 245) Гоголь превращается в писателя, с которым Жуковский общается уже на равных. Встречи с Жуковским

и особенно длительные (почти по полгода) пребывания Гоголя в доме Жуковского в Дюссельдорфе в 1843–1844 гг. сближают их. Помимо личного общения этому способствовало и некое единство творческих устремлений. Оба писателя работали в этот период над огромными эпическими полотнами: Жуковский переводил "Одиссею", Гоголь писал второй том "Мертвых душ". Несмотря на принципиальную разницу этих произведений, между "Мертвыми душами" и переводом поэмы Гомера имеется существенная связь. Творчество обоих авторов в этот период связано с выработкой национального эпического сознания, поиском его жанровых форм, стиля (Янушкевич 2006).

1840-е гг. для Гоголя и Жуковского - период не только интенсивных творческих, но и духовных поисков (Канунова 2001: 22). Гоголь переживает в это время творческий кризис в связи с переходом от первого тома "Мертвых душ" ко второму. Творческий процесс для него теперь неразрывно сопряжен с личным духовно-нравственным самосовершенствованием, о чем он не единожды сообщает друзьям в частных письмах, а затем и всем русским читателям в "Выбранных местах..." Для Жуковского 1840-е гг. – тоже новый этап: в это время он работает не только над переводом "Одиссеи", но и Нового Завета, что, несомненно, свидетельствует как о творческих исканиях, так и о характере духовной жизни автора. Оба писателя испытывают настоятельную потребность в творческом диалоге, о чем свидетельствует их переписка. Особенно же крепнет близость обоих авторов после выхода "Выбранных мест..." – книги, побуждающей каждого из них к исповедальным письмам.

Исследователи сетуют на недостаточную изученность отношения Жуковского к "Выбранным местам". Стремясь восполнить этот пробел, Ф.З. Канунова обращается к эпистолярному диалогу Гоголя и Жуковского этого периода и сосредотачивает внимание на освещении писателями эстетических вопросов, что вполне закономерно, так как проблема поэта и его назначения, поэтического слова и ответственности за него – сквозная в письмах 1847-1848 годов. Выявляя основные черты новой реалистической эстетики, формировавшейся в сознании Гоголя и Жуковского в этот период на нравственно-религиозном основании, исследовательница подчеркивает их связь с христианской антропологией, лежащей в основании концепции личности, свойственной обоим писателям. Центральными положениями их антропологических воззрений являются свобода нравственного выбора человека и в связи с этим мысль о необходимости постоянного нравственного развития. С этими положениями связана и психологическая проблема многосторонности человеческой личности, предполагающая в творческом плане эстетическую многоплановость, что, по мысли Ф.З. Кануновой, составляет суть творческой позиции Гоголя (2001: 27).

Последнее наблюдение, основывающееся, в частности, на статье Гоголя из "Выбранных мест..." "О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности" весьма значимо, на наш взгляд, для характеристики не только эстетической концепции, но и творческой лаборатории Гоголя. В творческом плане многосторонность выражается, в частности, в том, что книга Гоголя, так разнородно воспринятая публикой, - не только исповедь человека, сознающего свою греховность, охваченного стремлением стать лучше и проповедь, проистекающая из желания "общего добра", но и творческий эксперимент по выработке новой эстетики слова, суть которого заключается в сакрализации писательского слова, сообщении ему особого статуса (Михед 1996). "Выбранные места...", по выражению самого Гоголя, - "пробный камень", так как книга должна была заставить русское общество

высказаться по самым злободневным вопросам русской жизни. Эта "экспериментальная" составляющая книги, по-видимому, очень важна для Гоголя: здесь исследуются возможности и границы писательского слова, предпринимается опыт по созданию литературной биографии, совершается акт творческого самоосмысления.

Помимо процессов, совершавшихся в личной духовной и творческой биографии художников, важную роль сыграла и сама культурная атмосфера 1840-х гг. В русской жизни это время интенсивных социально-политических, философских, эстетических и духовных поисков. Сопреженность собственных эстетических и духовных исканий писателей с умонастроением русского общества остро ощущается ими, и поэтому Гоголь и Жуковский приходят к предельному объединению личного и общественного, что и выразилось в создании произведений в жанре публичных писем.

Можно сказать, что книгу писем Гоголя и цикл статей Жуковского сближает, в первую очередь, единство творческих установок, имеющих двоякий, социально-этический и литературно-эстетический характер. Причем социально-этическая установка осознается обоими авторами как первичная и объявляется сразу, как бы предваряя письма. Гоголь в предисловии к "Выбранным местам..." говорит о пользе, которую должна принести книга читателям: "Сердце мое говорит, что моя книга нужна и что она может быть полезна", так как источник ее – "сильное желание" автора "быть полезным" (Гоголь 1994: Т. 6, 7). Речь идет, как это явствует из содержания книги, прежде всего о социально-нравственной и духовной пользе. Цель Жуковского та же, что ставил перед собой Гоголь – "пробудить в головах русских также несколько добрых мыслей" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 201). Литературно-эстетический план, в свою очередь, также двойственен и характеризуется, с одной стороны, публичностью, установкой на утверждение определенной эстетической программы, что подчеркивается жанром открытых писем. С другой стороны, он содержит и личные откровения о собственном творческом процессе. Для обоих авторов эти письма становятся своего рода творческой лабораторией, необходимой для продолжения литературной деятельности.

Эстетическая программа выражается авторами в тех письмах, которые писатели сознательно делают фактом общественно-литературной жизни. Это статья Гоголя из "Выбранных мест..." "О том, что такое слово" и статья Жуковского "О поэте и современном его значении", явившаяся размышлением по поводу мыслей, высказанных Гоголем в статье "О том, что такое слово".

В непредназначенных для публикации и менее изученных письмах Гоголя и Жуковского, написанных в это же время, также звучат литературные темы, однако, обращает на себя внимание тот факт, что в частных письмах этого времени особое место принадлежит творческой рефлексии. Утверждая публично принципы новой эстетики, Гоголь и Жуковский стремятся осмыслить и специфику своего дарования, собственный творческий путь. В переписке этого времени актуализируются проблемы жизнестроения, литературной биографии, особенностей творческого метода и многие другие. Представляется интересным проследить, как осуществляется единый творческий процесс восприятия "Выбранных мест...", самоосмысления и формулировки собственных творческих принципов у Жуковского и параллельный ему у Гоголя. В последнем случае главным объектом нашего внимания станет не столько самоосмысление и формулировка Гоголем своих творческих принципов в "Выбранных местах...", сколько авторефлексия, вызванная первыми откликами на книгу и корректировка эстетической программы в переписке с Жуковским. Однако

прежде, чем охарактеризовать этот процесс, необходимо представить основные положения собственно эстетической программы.

Литературе в книге Гоголя посвящено несколько статей. Круг вопросов, поднимаемый в "литературных" главах, достаточно широк: это и размышления о специфике русской литературы, ее истоках, развитии, современном состоянии и содержании. Именно эти проблемы освещаются Гоголем в письмах "Чтения русских поэтов перед публикою", "О лиризме наших поэтов", "Предметы для лирического поэта в нынешнее время", "В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность". Ряд статей посвящен конкретным произведениям или авторам. Среди них "Об "Одиссее", переводимой Жуковским", "Карамзин", "Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ". Помимо этих писем мысли о поэзии звучат в главе "О том, что такое слово", имеющей программный характер и занимающей среди "литературных" глав особое положение: в композиции книги она стоит первой из них. Главная мысль статьи заключается в том, что поэт должен быть безукоризнен на своем поприще, должен нести ответственность за свое слово, за его влияние на людей. Гоголь пишет об особой авторитетности писательского слова в русской культуре нового времени, когда, по характеристике Ю.М. Лотмана, "заменив сакральные тексты, литература унаследовала их культурную функцию" (1996: 89). Не случайно он начинает статью с размышления о поэтическом слове, вспоминая возражение Пушкина на державинские строки "За слова меня пусть гложет, / За дела сатирик читит" - "Слова поэта суть уже его дела", а завершает, цитируя послание св. апостола Павла к Ефесянам: "Слово гнило да не исходит из уст ваших" (гл. 4, ст. 29) (Воропаев, Виноградов 1994: Т. 6, 430).

Мысль об особом значении и особой природе поэтического слова оказалась очень близка Жуковскому, поэтому в своей статье "О поэте и современном его значении" он откликается в первую очередь на эту главу, ссылаясь на нее в начале, хотя хронологически статья была ответом на другое письмо Гоголя (от 22 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.), названное им своей исповедью и ставшее основой для "Авторской исповеди". Более того, это письмо под заглавием "Искусство есть примирение с жизнью" Гоголь намеревался опубликовать вместо "Завещания" во втором выпуске "Выбранных мест...". Здесь Гоголь определяет главное направление своей творческой эволюции, вскрывая ее глубинные основы и, одновременно, отводя упреки в том, что он отказался от искусства.

Свою литературную исповедь Гоголь адресует Жуковскому, так как последний знает автора "Выбранных мест..." с первых шагов в литературе и так как именно он после смерти Пушкина предстает в сознании Гоголя как наиболее авторитетная фигура в русской словесности. В самом начале письма автор утверждает, что искусство является для него *"главным и первым делом <...> жизни, а все прочее вторым"* (здесь и далее в цитируемых текстах курсив авторов. – О.Б.). Собственный творческий путь представлен здесь писателем как движение, совершающееся согласно воле Провидения: "Все совершалось как бы независимо от моего собственного (свободного) произволения". В письме Гоголь определяет логику своего творческого пути, вскрывая его психологические основы. Меланхолический характер, болезнь, хандра и желание их преодолеть названы причиной веселости ранних повестей; страсть наблюдать за человеком, желание "произвести доброе влияние на общество" посредством смеха, обладающего огромной силой – источником "Ревизора". Переживание неудачи "Ревизора", идея *"большого сочинения"*, в котором бы

обнаружилось "свойство нашей русской природы" – основа первого тома "Мертвых душ". Творческий кризис, приведший к "наблюдению внутреннему над человеком и над *душой человеческой*", начатого с познания собственной души – таков путь сближения со Христом и творческого возрождения (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 212). Этот последний этап сопровождается появлением "Выбранных мест..." В письме мы видим и авторскую рефлекссию по поводу этой книги, вызванную откликами на нее, в том числе, и откликом Жуковского, о чем ниже.

Это письмо также оказалось очень близким Жуковскому, так что он даже назвал его не только гоголевской, но и своей "литературной исповедью" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 219). На него Жуковский отвечает статьей "О поэте и современном его значении". Выше было отмечено, что статья Жуковского – это ответ на два письма, причем первое – "О том, что такое слово" - имеет программный характер, второе – "Искусство есть примирение с жизнью" - исповедальный. Поэтому в своей статье Жуковский делает предметом внимания и вопрос о поэзии, слове, делах поэта, и проблему личности поэта. И этот второй, "личностный" аспект, возможно, важнее Жуковскому. Неслучайно он начинает статью с изложения своих антропологических воззрений.

В иерархии "способностей души" (ум, воля, творчество, вера), представленной в начале статьи, выше творчества, по мысли Жуковского, стоит только вера. Творчество по природе своей свободно, лишено чуждого побуждения, что является доказательством божественной природы человека. Художественное творчество Жуковский определяет как "пересоздание своими средствами создания Божия" (Жуковский 1985: 180), поэтому цель художника – само творение и ничто постороннее. Самое высшее творение – то, когда художник выражает не только свою идею, но и верховного творца.

Обращаясь к исходному тезису статьи – "слова поэта – его дела", Жуковский замечает, что он может быть рассмотрен двояко: как в отношении к произведению, так и в отношении к поэту. Автор различает прекрасную внешность творения и "*дух поэта*, в создании его тайно сопричастный" (Жуковский 1985: 185). Нравственно-образовательное влияние поэзии, по мысли Жуковского, заключается не в содержании произведения, оно может быть различным, но в том, что есть сам поэт, так как увлеченные красотой создания, мы "проникаемся его верою, его любовью, его возвышенностию и чистотою" (Жуковский 1985: 183). Поэзия свободна, всякое намерение сообщает произведению неловкость, но поэт, свободный в выборе предмета, несвободен отделить его от себя. Итак, дела поэта – это и произведение, созданное по законам искусства, и действие, производимое его духом. Эта мысль Жуковского очень созвучна Гоголю, и показательна, что высказывается она Гоголем в статье, посвященной труду Жуковского – "Об "Одиссее", переводимой Жуковским".

Данная статья, вошедшая в "Выбранные места...", была опубликована Гоголем еще в 1846 году сразу в трех журналах - "Современнике", "Московских ведомостях" и "Москвитянине". В основу статьи автором было положено письмо к Н.М. Языкову об "Одиссее". Публикация этого письма в виде статьи была выполнением просьбы, адресованной Гоголю самим Жуковским, несколько подготовить публику к восприятию перевода. По поводу некоторых мыслей, высказанных в этой статье, разгорелся спор. В частности, недоумение критиков вызвало утверждение о том, что Жуковскому нужно было "сделаться глубже христианином", чтобы совершить этот перевод. Согласно Гоголю, главное в этом переводе – не событийная сторона, не

действующие лица и этнографический интерес, а общая мысль, проникающая все произведение и делающая его "самым нравственным произведением" – мысль о том, "что человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, <...> что ни в каком случае не следует унывать", а творить "ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуту бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге." По мысли Гоголя, именно этот "живой дух ее ("Одиссеи". – О.Б.) содержания" слышится во всем переводе, потому что "залегло это глубоко в самую душу древнего поэта", которую смог постичь переводчик (Гоголь 1994: Т. 6, 25-33).

Мы видим, что Гоголь, как и Жуковский, акцентируют внимание не на "внешности творения", а на выражающемся в нем духе поэта; говоря о делах поэта, в итоге они неизбежно приходят к его личности. Таким образом, понятно, почему в переписке этого времени актуализируется авторефлексивный план: размышления о личности художника выводят писателей к наблюдениям над собственной творческой лабораторией.

Одним из наиболее интересных аспектов переписки Гоголя и Жуковского является рефлексия авторов по поводу специфики собственного творческого метода. Уже в первом, написанном после знакомства с "Выбранными местами...", письме (от 6(18) февраля 1847 г.) Жуковский извещает Гоголя о том, что получил и "прочитал с жадностью" его книгу, Здесь же он обещает писать Гоголю "все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей" и выражает надежду, что "эта переписка может также составить книгу, которая <...> может выйти вслед за первой и вместе с нею пробудить в головах русских так же несколько добрых мыслей". И вслед за этим утверждением появляется одна из наиболее глубоких автохарактеристик Жуковского: "Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей; мой ум, как огниво, которым надобно ударить о камень, чтобы из него выскочила искра, - это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 201). В качестве камня, побуждающего источника, в данном случае выступает гоголевская книга, но, указывая на "вторичность" (мысли по поводу) и скромность собственного замысла по сравнению с трудом Гоголя, Жуковский все же подчеркивает самостоятельность своих будущих писем-статей ("все, однако, мое"). С гоголевской книгой его письма находятся в отношениях тесной взаимосвязи и, вместе с тем, автономности. Это подчеркивается и в одном из следующих писем.

В письме от 20 февраля (4 марта) – 12 (24 марта) 1847 г. Жуковский сообщает Гоголю о смерти Мии Рейтерн (сестры жены Жуковского) и размышляет о смерти и о том духовном опыте, который приобретает человек, переживший смерть близких. Это письмо Жуковский потом переработал в статью "О смерти", но уже тогда же, в приписке, он сообщает Гоголю, что это первая статья в ответ на его книгу. Начинается же письмо с рефлексии по поводу ответов на "Выбранные места...". Характеризуя соотношение книги Гоголя и своих писем, он использует новое сравнение: не камень и выбиваемая им искра, а платье и заплаты. "Эта работа по моему вкусу" – "нашивать заплаты на чужое платье. Хотя платье не изношенное, не в дырах и не требует заплаток, но тот, кому оно достанется, может носить платье, споров заплатки, которые также могут ему на что-нибудь

пригодиться, потому что все из одинаковой свежей материи" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 205). Первым сравнением (искра и камень) подчеркивается причинно-следственная связь "Выбранных мест..." и писем Жуковского, здесь же звучит мысль, что связь есть, но она является более опосредованной (платье в заплатках не нуждается), акцентируется самостоятельность этих произведений "можно носить платье, споров заплатки, которые также могут на что-нибудь пригодиться, потому что все из одинаковой свежей материи". Интересно, что Жуковский указывает на фрагментарность своих заметок (заплаты), в отличие от книги Гоголя, скрепленной проблемно-тематически и композиционно (для ее характеристики используются слова "мерка", "выкройка", "платье").

Авторрефлексия содержится и в письме-статье Жуковского "О молитве", написанной спустя почти год со времени обещания написать ответы. Здесь автор размышляет о преимуществах выбранного им жанра ответов – письмах. Еще раньше, в письме о смерти, он называет свои ответы Гоголю "критико-философическими письмами"; здесь же подчеркнуто разводит жанры письма и критической статьи (видимо, уже с учетом появившихся в печати критических откликов на "Выбранные места..."). Более того, Жуковский утверждает, что "взыскательная критика" относительно книги Гоголя "совсем неуместна": "ты напечатал *отрывки из писем* (которых не имел намерения печатать)". И далее определяется жанровая специфика писем: "характер писем есть свобода, как в ходе мыслей, так и в их выражении; кто выдает письма в печать, тот необходимо должен сохранить им этот характер свободной неприготовленности; здесь сама небрежность имеет свою прелесть: она есть даже достоинство. В письмах выражаются не одни мысли, но вся личность писателя: его голос, его жесты, его физиономия; к слогу писем особенно относится то, что говорил Бюффон вообще о слоге: "слог – человек" (Жуковский 1902 : Т. 10, 75).

Два момента здесь привлекают внимание: "характер писем есть свобода" и "в письмах выражается <...> вся личность писателя". Выше мы отмечали, что в статье "О поэте..." Жуковский также акцентирует принципиальную свободу творчества и неотделимость от творения личности творца. Именно живой, реальной личностью писателя искупаются, по мысли Жуковского, и некоторые недостатки "Выбранных мест...". Подобно многим друзьям Гоголя, Жуковский не сразу принял его книгу. Об этом свидетельствует первое, написанное после ее прочтения, письмо, в котором не только намечен главный для Жуковского интерес книги – задевшая за живое тема слова поэта; уже здесь полушутя-полусерьезно автор пеняет Гоголю за спешку с публикацией книги, из-за чего она явилась в свет "в таком неопрятном виде". Если бы не спешка, "книга была бы избавлена от многих пятен литературных и типографических, которых теперь с нее не снимешь" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 201).

Мотив неопрятности появляется в этом письме неслучайно. В письмах Гоголя 1840-х гг. понятия "неопрятность", "неряшество" встречаются достаточно часто и устойчиво связаны с авторефлексивным планом его творчества, поэтому представляется интересным охарактеризовать данный мотив более подробно. Говоря о неопрятности, о том, что автор своей спешкой "согрешил против слова", Жуковский отсылает Гоголя ко второй части его собственной статьи "О том, что такое слово", в которой приводится в качестве примера недостаточно серьезного отношения к своему слову деятельность М.П. Погодина. Значительная часть статьи (почти половина) представляет собой критику личности Погодина, которого Гоголь

характеризует как человека, что "торопился всю жизнь, спеша делиться всем со своими читателями <...>, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове <...> словом - выказывал перед читателем себя всего во всем своем неряшестве" (Гоголь 1994: Т. 6, 21). Возникающий здесь мотив неряшества (неопрятности) звучит и в дарственной надписи, сделанной Гоголем на экземпляре "Выбранных мест...", предназначавшемся Погодину: "Неопрятному и растрепанному душой Погодину..." Такая характеристика Погодина связана, в частности, с историей публикации Погодиным без согласия Гоголя его портрета – факт, возмущивший Гоголя, о чем свидетельствуют его письма.

Так, в письме С.П. Шевыреву от 2(14) декабря 1844 г. Гоголь объясняет причины своего возмущения тем, что "тому, кто может иметь влияние на других и, говоря вообще, на свет, тому слишком нужно опасаться выходить в свет со своими недостатками и несовершенствами <...> Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами? <...> Не для себя мне прискорбно, что выставили меня забулдыгой. Но, друг мой, ведь я знал, что меня будут выдирать из журналов" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 2, 308). Далее Гоголь размышляет о том, что молодое поколение, создавая себе идолов, даже если это люди достойные, скорее будет подражать недостаткам, чем достоинствам; о том, что вообще личная привязанность к людям опасна, так как переходит в пристрастие и что вместо портретов людей, имеющих неизбежно достоинства и недостатки, лучше "изображать им настоящий образец человека, который есть совершеннейшее из всего..." (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 2, 308-309). Эта гоголевская мысль затем появится и в "Выбранных местах...", в главе "Завещание", где речь идет о портрете.

В переписке Гоголя и Жуковского мотив неряшества не только переадресовывается Жуковским Гоголю, но и самим Гоголем используется в качестве автохарактеристики. Мы видим, что уже в письме к Шевыреву о портрете внешнее неряшество становится знаком внутреннего несовершенства, незрелости, переходности. Уже здесь Гоголь упоминает о тех "душевных внутренних событиях, к совершению которых <...> послужили странным образом видимые ничтожные дела и вещи, последним хвостиком которых был портрет" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 2, 307). Гоголь говорит о важности для него этих событий: "ужас меня объемлет при одной мысли: что бы я был без этих событий?", но не объясняет их сути: "многого я не умею объяснить, да и для того, чтобы объяснить что-нибудь, нужно мне подымать из глубины души такую историю, что не впишешь ее на многих страницах, а потому по тем же самым причинам и не может быть понятно другому, почему мне так неприятно опубликование моего портрета" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 2, 308).

Возвращаясь к оценке "Выбранных мест..." Жуковским, необходимо отметить, что первоначальное неудовольствие, вызванное "неопрятностью" книги, во многом снимается последующими размышлениями о специфике жанра писем, главное достоинство которого в том, что он непосредственно выражает личность автора. Таким образом, можно говорить об определенной эволюции отношения Жуковского к книге Гоголя. Интересно, что подобную эволюцию (оправдание некоторых сторон книги, первоначально вызвавших неприятие, тем, что в книге получила выражение личность автора) претерпела не только позиция Жуковского. Сходную ситуацию представляет собой восприятие книги Гоголя С.П. Шевыревым,

бывшим, подобно Жуковскому, одним из близких по духу и взглядам на искусство адресатов Гоголя.

В этой связи уместно обратиться и к гоголевскому самоосмыслению книги, выразившемуся в письмах к Жуковскому, созданных после выхода "Выбранных мест..." и их настороженно-неодобрительного восприятия публикой. В письме от 22 февраля (6 марта) 1847 года Гоголь называет появление своей книги оплеухой публике, друзьям и, наконец "сильнейшей оплеухой" себе самому. "Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем, как верное зеркало, в которое мне следует глядеться для того, чтобы видеть все свое неряшество и меньше грешить вперед" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 209). Недоумение, разочарование, чувство невольной вины звучат в первых строках этого письма. Гоголь сетует на раздор, произведенный книгой: "все как-то напряжено, все более или менее <...> находятся в положении беспокойном" (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 209). Вместе с тем автор выражает уверенность, что книга его полезна, ибо она всколыхнула общество, возбудила умственную деятельность. Несколько позже, в своей "литературной исповеди" Гоголь повторяет эти первоначальные впечатления и мысли, но рассматривает появление своей книги уже под другим углом, с точки зрения творческой эволюции, как ее необходимый этап. Книгу Гоголь называет уклонением от прямого пути искусства в проповедь, но тут же и оправдывает ее появление тем, что "без этого большого крюку" он не мог бы сделаться "достойным производителем искусства". Иными словами, вся логика творческого развития Гоголя приводит его к созданию "Выбранных мест..." – книги, без которой для него не могло бы быть выхода к новому творческому этапу. И далее утверждается центральный для Гоголя тезис – "искусство есть примирение с жизнью".

Логика всего письма говорит о том, что "Выбранные места..." осмысляются здесь автором как книга, с одной стороны, необходимая автору для продолжения творческого пути, с другой – как уклонение, пусть временное и необходимое, но все же уклонение с пути искусства и, в свете тезиса "искусство есть примирение с жизнью", нечто, вносящее разлад в жизнь. Эта мысль не выражена Гоголем прямо, но целый ряд авторских замечаний свидетельствует об этом: например, упоминание о том, что книга вызвала пристрастные суждения и разномыслие в обществе, или характеристика книги как некоего излишества, тогда как искусство связывается с понятиями меры, стройности, гармонии и порядка. В общем контексте эпистолярной авторефлексии книга предстает, подобно портрету, знаком неряшества, то есть внутренней нестройности, переходности. В этой связи представляется, что Жуковский неслучайно, размышляя о своих письмах-ответах Гоголю, сравнивает их с заплатами. Заплаты необязательны, но их функция – "исправить" неряшество. Исправить, конечно, не в буквальном смысле; Жуковский не собирался поправлять книгу Гоголя. Исправить, в данном случае, значит попытаться объяснить сам этот феномен с помощью изложения своей (и очень близкой Гоголю) концепции творчества и творца.

Итак, мы видим, что мотив неряшества в переписке Гоголя становится одним из устойчивых компонентов языка творческой рефлексии. Переходя от уровня внешней характеристики (портрет, стилистические и "типографические пятна" книги) к уровню внутренней самохарактеристики (переходное состояние), он актуализирует представление о неразрывности творчества и нравственного самосовершенствования

автора, облика писателя, сформированного в сознании читателей, и восприятия его произведений.

Показательно, что проанализированный нами мотив встречается у Гоголя не только в автохарактеристике и оценке деятельности и личности Погодина. В уже упоминавшейся нами статье «Об "Одиссее"», переводимой Жуковским он используется для определения современного состояния русского общества в целом, умевшего "дойти до какого-то неряшества и неустройства как внешнего, так и внутреннего" (Гоголь 1994: Т. 6, 32). Помочь преодолеть такое состояние должно, по Гоголю, живое слово подлинной поэзии, "*слово живо*", противостоящее "*слову гнилу*". И именно "*слово живо*" слышит Гоголь в языке перевода Жуковского и надеется, что подобное же живое слово услышит Россия и в его "Мертвых душах". Состояние неряшества как внешнего, так и внутреннего должно быть преодолено, по мысли Гоголя, и в жизни России, и в собственной духовной жизни и в творчестве. Именно поэтому "Выбранные места..." осмысляются Гоголем как необходимый этап на пути работы над "Мертвыми душами". Показательно, что сходным образом воспринимаются письма-ответы Гоголю Жуковским. В одном из писем он замечает по поводу своего замысла: «Работа привлекательная. Она мне служит переходом к "Одиссее"» (Переписка Н.В. Гоголя 1988: Т. 1, 216).

Таким образом, мы видим, что во второй половине 1840-х гг. и Гоголь, и Жуковский, осознавая необходимость формулировки новых эстетических принципов и воплощения их в художественной практике, испытывают настоящую потребность в авторефлексии, совершающейся в рамках эпистолярного диалога, где сокровенные наблюдения писателей над собственным творческим процессом оказываются неразрывно связанными с публичной стороной их литературной деятельности: формулировкой эстетических воззрений, размышлений о специфике русской литературы и ее значении в современной им русской жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВОРОПАЕВ, В.А., ВИНОГРАДОВ, И. А. (1994): Комментарии. В кн.: Гоголь В.Н. *Собрание сочинений: В 9 т., Т. 6. Русская книга*. Москва.
- ГИНЗБУРГ, Л. Я. (1977): *О психологической прозе*. Наука. Ленинград.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (1994): *Собрание сочинений: В 9 т. Русская книга*. Москва.
- ЖУКОВСКИЙ, В.А. (1902): *Полное собрание сочинений: В 12 т.* Санкт-Петербург.
- ЖУКОВСКИЙ, В.А. (1985): "О поэте и современном его значении" В кн.: В.А. *Жуковский-критик*/ Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Прозорова. Советская Россия. Москва.
- КАНУНОВА, Ф.З. (2001): "О соотношении религиозного и художественного сознания в русской литературе 30-40-х годов (Жуковский и Гоголь) В кн.: Канунова Ф.З., Айзикова И.А. *Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг., Сибирский хронограф*. Новосибирск.
- КРЫЛОВ, К. А. (2007): "Авторефлексия в письмах Н.В. Гоголя 1840-х годов." В кн.: *Российская словесность: эстетика, теория, история*. Санкт-Петербург, Самара.
- ЛОТМАН, Ю. М. (1996): Очерки по истории русской культуры XVIII века В кн.: *Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX века)*. Языки русской культуры. Москва.

- МИХЕД, П. (1996): "Гоголь на путях к новой эстетике слова" В кн.: *Гоголеведческие студии*. Вып. I, Нежин.
- ПЕРЕПИСКА Н. В. ГОГОЛЯ (1988): *Переписка Н.В. Гоголя*: В 2 т. / Сост. и коммент. А.А. Карпов и М. Н. Виролайнен. Художественная литература, Москва.
- САХАРОВ, В. И. (1988): "Жуковский в творческой биографии Гоголя" В кн.: *Жуковский и литература конца XVIII – XIX века*. Наука. Москва.
- ЯНУШКЕВИЧ, А. С. (2006): *В мире Жуковского*. Наука. Москва.